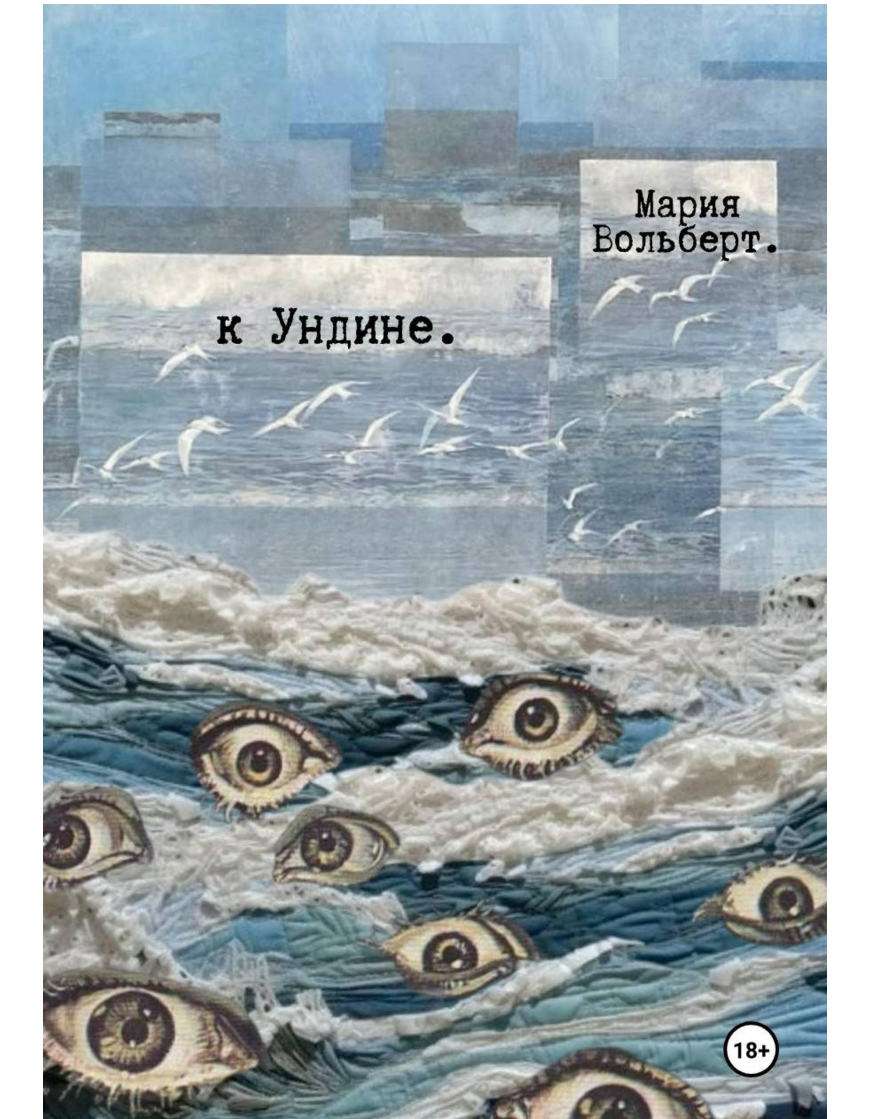

Мария
Вольберт.

к Ундине.

18+

Мария Вольберт К Ундине

<https://litres.ru/74683308>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юная художница оказывается на уединённом острове со своим отцом, устроившимся смотрителем маяка, в надежде обрести покой и вдохновение. Однако утраченный дар вынуждает её действовать всё отчаяннее: чтобы вернуться к творчеству, она отказывается от сна. Постепенно её затягивает в водоворот одержимости; на границе между бредом и явью она встречает Ундину — существо, выходящее из моря и возвращающее ей дар. Границы между творчеством, любовью и саморазрушением стираются, а цена вдохновения оказывается страшнее, чем героиня могла представить. С каждым днём она понимает: стоит заснуть — и она навсегда лишится вдохновения и единственной, кто её понимает. А тем временем Ундина становится всё реальнее.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мария Вольберт

К Ундине

Пролог

Я ожидала, будто стоило нам переехать к маяку, моя жизнь изменится, и всё лето я проведу, рисуя в своей обветшалой комнатке в пристройке, предназначенной для смотрителя и его семьи. Казалось, в таких местах время течёт медленнее, и даже кровь перебирается по жилам запоздало, не торопясь, и всё вокруг окружено сонной дымкой, как если бы это было во сне. Во мне не было и капли сомнения, когда отец неловким полуголосом сказал мне, что мы покидаем родной дом, в котором я выросла и в котором когда-то жила моя мать; по правде говоря, мне хотелось поскорее выбраться из этого круга людей, наваливающихся из каждого угла даже в небольшом городе, вечно гомонящих, задающих вопросы, спешащих куда-то и сбивающих меня с пути собственных мыслей, только мне удавалось их прощупать. Проблема, разумеется, была во мне, но какой смысл в одном этом осознании? Хотелось сбежать как можно дальше от людей, и, проезжая до края материка, а затем добираясь до острова на лодке, я улыбалась в свинцовое небо, грозящее упасть на меня с самой своей вышины, представляя, какой счастливой

стану, оказавшись здесь. Не сразу мне удалось принять то, что это место не стало для меня землёй обетованной, хоть, признаться, я знала это ещё задолго до того, как мои вещи были собраны.

Папино шероховатое лицо оставалось хмурым и безразличным, и за всё время, до сих пор проведённое здесь, ни одна его морщинка не изогнулась ни на чуточку, словно его лицо выковали из слоновой кости. Лето проходило самым мерзким, тягучим образом, и мне думалось, что проведи я у маяка ещё хоть час, начну сходить с ума, если уже не начинала. Солнце всходило в ребристых утренних волнах, расплёскивая блики по воде, и садилось, и вряд ли хоть одна мысль посещала меня в этот промежуток. Меня мучила смертельная скука, и в то же время я не желала её утолять, даже подняться с постели было напрасным, ни к чему не ведущим усилием. Через силу я старалась что-то делать: рыбачить на берегу с соседом, расположившись на скрипящих складных стульчиках, прогуливаться вдоль острова, собирать по мокрой кромке у края воды красивые камушки, босиком перебираясь по больно вонзающимся в ноги другим камням, оттого некрасивым. Я прикрепила к нижнему окну маяка тарзанку, но не решалась прыгнуть, боясь разбиться о растущие из песка гладкие валуны. Читала привезённые с собой книги, не интересные ни одним своим словом; каждая их страница была покрыта пылью времени, прошедшего со смерти писателя, и с того момента, когда такие речевые обороты были

постигаемы. Никого из молодёжи здесь не было – ожидаемо, и всё же, во мне раньше таилась надежда, что на острове мне удастся найти кого-нибудь, кого впервые за жизнь я смогла бы назвать другом.

Я бы ужаснулась, как легкомысленно тратила свободное время, услышав об этом до приезда. Раньше каждая минута не была потрачена впустую: стоило учителю отвлечься на уроке, я рисовала в блокноте профили греческих статуй, цветы, глаза с ненормально большими ресницами; приходя домой, я не ужинала, даже если живот сводило от голода, пока все мои пальцы не будут вымазаны в краске, а на полотне не будет изображено то, что меня удовлетворит. Бессонные ночи тогда я проводила на полу, тихонько поскрёбывая кисточкой по бумаге, чтобы не разбудить отца, который наругал бы меня за то, что я так поздно не сплю. Теперь же только одна мысль о живописи выворачивала меня наизнанку, словно резко пахнувшими красками я собиралась не рисовать, а лакомиться, окрашивая внутренности в оттенки палитры, пока из меня не изольётся разноцветная рвота. Поначалу это показалось мне полезным отдыхом, временем, когда я должна была очистить разум и нахвататься, будто нарвать охапку режущей по ладоням несвежей травы, вдохновения. Время шло, и ничего не происходило. Мне нравилось здесь жить, и в то же время я была в ужасе от того, что со мной творило это место.

Всё началось с бессонницы. Простой, ничего, думалось,

не значащей, бессонницы. Целыми днями я бездельничала, лежала в кровати или сидела на скрипучем деревянном стуле, ходила, едва переставляя ноги, по берегу и по округе, только чтобы оправиться от пыльного воздуха того дома и надышаться свежим, солоновато-горелым морским. Даже поговорить было не с кем, кроме собак неприветливых соседей, и то смотрящих на меня в ответ, будто я была самым глупым существом на острове. Я не любила выходить из дому: на улице было ветрено и прохладно, и ни один лучик солнца не пробивался сквозь тучи. Даже когда я искала, где вдохновение хотя бы пёрышком коснулось бы меня, я нашла только давным-давно заброшенный барак на ободранном глиняном выступе над пляжем, заросший мхом и травой, садилась там на сырые шершавые доски, и пыталась рисовать, глядя в море. Только в стенах, даже едва держащихся на земле, я могла не чувствовать, будто о стенки моего тела бьётся в конвульсиях некое существо, стремящееся вырваться наружу. Поломанные деревянные куски лежали в углу барака, и я не могла развидеть в них мордочку кошки. Попыталась это нарисовать — только бумагу замарала.

Так и получалось, что за весь день я не исчерпывала тех сил, что должны были излиться из меня, чтобы появилась сонливость. Я лежала на жёстких, как наждачка, простынях своей постели, вздрагивая, когда прибой ударял о стены маяка, и не могла отделаться от ощущения, что за мной кто-то следил. Я думала о том, какой была бесталантной, лени-

вой, ничтожной, если в один момент лишилась всякого вдохновения или даже желания что-то сотворить. Кроме творчества, во мне оставалась только надорванная душа, из которой вязкой алой кровью оно и сочилось, и делало жизнь хоть немного терпимей. Сейчас же эта рана больше не кровоточила – она сгнила, и над ней летали мухи самобичевания. Я винила себя за всё то, что не могла сделать днём, и не могла ночью. Даже заснуть для меня было тяжело – что говорить об остальном. Когда же я всё-таки засыпала, просыпалась я глубоко за полдень, и подолгу не могла встать с постели. Через силу я умывалась и чистила зубы, и начинала новый круг одного и того же безделья, той же тоски и скуки. Я думала, стоило мне провести так ещё хоть сутки, моё терпение дойдёт до предела, и я сорвусь, как с обрыва, в творчество, и нарисую что-нибудь такое, что мне тотчас же покажется, что эта пауза стоила всех моих страданий, всего потраченного времени. Так прошёл июнь, и ничего не происходило. Мне следовало признать, что эта моя надежда оказалась пустой, как свежестроенные, только отштукатуренные, дома.

Я ненавидела это всё и упрашивала отца вернуться домой, хотя бы мне одной, и подождать, пока не закончится его смена. Он отказывался, слагаясь на то, что не мог оставить меня одну на такое огромное время. Забавно, учитывая то, что весь день он проводил на маяке, будто боясь меня, как если бы я могла самым своим проявлением его убить, как я когда-то сделала, вырываясь из чрева матери. В этом избегании

других людей мы походили друг на друга, но никогда этого не подмечали и не шутили об этом, ведь редко оказывались вместе — только когда обстоятельства к этому принуждали. Услышав его ответ, я с новой силой принялась пробовать всё, что только можно было для вдохновения. Я читала много книг, билась о стены, представляя, что в них таится могучая сила, способная всколыхнуть что-то глубоко внутри меня. Я как-то сильно напилась тем, что было в девственных залежах отца в ящике на кухне, но только захотела спать и, едва взобравшись по лестнице в свою комнату, упала в кровать. Я резала себя острым лезвием для кожи (животной, разумеется, у меня не было специального ножа, предназначенного для моей), как это делали многие люди, чтобы что-то почувствовать — и я почувствовала, как даже буйное море затихает ровным штилем, и дыхание отца внизу затихает, и все собаки в округе перестали лаять, а мои собственные переживания ослабились. Однако же, это не было тем, что нужно, и я только пожалела.

Должно было найтись что-то, что могло бы привести меня в чувство. Мне думалось, что только я находила нужную мысль, наступало время спать, и она тут же терялась в чертогах склизкого мозга. Сон, чёртов сон, зачем же Богу было создавать человека, если он и дня не может пережить без сна? Мы обречены на то, чтобы спать треть, если не больше, всей своей жизни, и сколько в это время можно было бы написать картин, сочинить стихов и книг, совершить открытий?

Бессмысленная вещь — сон, он только мешает. Поразмышляв над этим, я ужаснулась решению, что готова была принять. Это должно было оказаться сложно, но что есть лёгкого, что могло бы разрешить тяжёлую трудность? Я посчитала себя безумной, но была готова ко всему, если только это могло заставить меня вновь рисовать. Так я думала, выводя невнятные линии на мольберте, уже без какой-либо цели. Что стоило мне провести такой опыт? Что делало его безумным, как я полагала? Пора было избавляться от напрасных, бессмысленных доводов, вбитых, как гвозди, мне в черепушку. Пора было взять молоток и вдолбить свои собственные.

Но для начала мне следовало отоспаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.